

Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода — эпизод 8 из 19

Сей союз достоин твоей правнуки: он заключается в день решительный для Новаграда и соединяет ее жребий с его жребием. Супруг Ксении есть или будущий спаситель отечества, или обреченная жертва свободы!

Феодосий обнял юношу, называя его сыном своим. Они вошли в хижину, где горела лампада. Старец дрожащею рукой снял булатный меч, на стене висевший, и, вручая его Мирославу, сказал: Вот последний остаток мирской славы в жилище отшельника! Я хотел сохранить его до гроба, но отдаю тебе: Ратьмир, предок мой, изобразил на нем золотыми буквами слова: Никогда врагу не достанется... Мирослав взял сей древний меч с благоговением и гордо отвечив: Исполню условие! Марфа долго еще говорила с мудрым Феодосием о силах князя московского, о верных и неверных союзниках Новаграда и сказала наконец юноше: Возвратимся, буря утихла. Народ покоится о великом граде, но для сердца моего уже нет спокойствия! Старец проводил их с молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобном месте посадницу, окруженную народом. Она держала за руку Мирослава и говорила: Народ! Сей витязь есть небесный дар великому граду. Его рождение скрывается во мраке тайнства, но благословение всевышнего явно ознаменовало юношу. Чем небо отличает своих избранных, когда сей вид геройский, сие чело гордое, сей взор огненный не есть печать любви его? Он питомец отечества, и сердце его сильно бьется при имени свободы. Вам известны подвиги Мирославовой храбрости... (Марфа с жаром и красноречием описала их.) Сograждане! сказала она в заключение. Кого более всех должен ненавидеть князь московский, тому более всех можете верить: я признаю Мирослава достойным вождем новгородским!.. Самая цветущая молодость его вселяет в меня надежду: счастье ласкает юность!.. Народ поднял вверх руки: Мирослав был избран!.. Да здравствует юный вождь сил новгородских! восклицали граждане, и юноша с величественным смирением преклонил голову. Бояре и люди житые осенили его своими знаменами. Иосиф Делинский, друг Марфы, вручил юноше золотой жезл начальства. Старости пяти Концов новгородских стали пред ним с секирами, и тысяцкие, громогласно объявив собрание войска, на лобном месте записывали имена граждан для всякой тысячи. Димитрий Сильный обнимал Мирослава, называя его своим повелителем, но Михаил Храбрый, воин суровый, изъявлял негодование. Народ, раздраженный его укоризнами, хотел смирить гордого,

но Марфа и Делинский великодушно спасли его: они уважали в нем достоинство витязя и щадили врага личного, презирая месть и злобу. Марфа от имени Новаграда написала убедительное и трогательное письмо к союзной Псковской республике. Отцы наши, говорила она, жили всегда в мире и дружбе; у них было одно бедствие и счастье, ибо они одно любили и ненавидели. Братья по крови славянской и вере православной, они назывались братьями и по духу народному. Псковитянин в Новгороде забывал, что он не в отчизне своей, и давно уже известна пословица в земле русской: Сердце на Великой⁵, душа на Волхове. Если мы чаще могли помогать вам, нежели вы нам, если страны дальние от нас сведали имя ваше, если условия, заключенные Великим градом с Великою Ганзою, оживили торговлю псковскую, если вы заимствовали его спасительные уставы гражданские и если ни хищность татар, ни властолюбие князей тверских не повредили вашему благоденствию (ибо щит Новаграда осенял друзей его), то хвала единому небу! Мы не гордимся своими услугами и счастливы только их воспоминанием. Ныне, братья, зовем вас на помощь к себе не для отплаты за добро новгородское, а для собственного вашего блага. Когда рука сильного сразит нас, то и вы не переживете верных друзей своих. Самая покорность не спасет вашего бытия народного: гражданин не угодит самовластителю, пока не будет рабом законным. Уверенные в вашей мудрости и любви к общей славе, мы уже назначили пред градом место для верной дружины псковской. Чиновники подписали грамоту, и гонец немедленно отправился с нею. Трубы и литавры возвестили на Великой площади явление гостей иностранных. Музыканты, в шелковых красных мантиях, шли впереди, за ними граждане десяти вольных городов немецких, по два в ряд, все в богатой одежде, и несли в руках, на серебряных блюдах, золотые слитки и камни драгоценные. Они приблизились к Вадимову месту и поставили блюда на ступени его. Ратсгер города Любека требовал слова и сказал народу: Граждане и чиновники! Вольные люди немецкие сведали, что сильный враг угрожает Новуграду.